

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 4 / 2025, Vol. 8, Iss. 4 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 316.624

¹ Педич Г.Г.,

¹ Исакович Е.И.,

¹ Московский инновационный университет

Феномен девиантного проявления в конце XIX – XX веках

Аннотация: в статье рассматривается феномен девиантного поведения в контексте социальных, политических и культурных трансформаций конца XIX–XX века. Анализ охватывает три ключевых периода: конец XIX века, первую и вторую половину XX века. Особое внимание уделяется как деструктивным, так и конструктивным формам девиантности, включая преступность, политический радикализм, культурные и научные новаторства. Теоретической основой исследования выступают концепции социальной аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, а также подходы, основанные на теориях стигматизации и социальной нормы. Статья подчеркивает, что девиантность – это не только отклонение, угрожающее стабильности общества, но и форма социального развития, связанная с нарушением устоявшихся норм ради инноваций и преобразований. Через анализ исторических примеров из России, Европы и США автор показывает, как девиантное поведение отражает кризисы эпохи и в то же время стимулирует общественные изменения. Работа основана на междисциплинарном подходе и опирается на труды российских и зарубежных исследователей, предлагая целостный взгляд на девиантность как социокультурное явление.

Ключевые слова: девиантное поведение, девиантность, научный подход, исторические события, феномен девиантности

Для цитирования: Педич Г.Г., Исакович Е.И. Феномен девиантного проявления в конце XIX – XX веках // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 4. С. 201 – 207.

Поступила в редакцию: 16 февраля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 22 мая 2025 г.

¹ Pedich G.G.,

¹ Isakovich E.I.,

¹ Moscow Innovation University

The phenomenon of deviant manifestation in the late 19th – 20th centuries

Abstract: this article explores the phenomenon of deviant behavior in the context of social, political, and cultural transformations from the late 19th to the 20th century. The analysis focuses on three key periods: the late 19th century, and the first and second halves of the 20th century. Particular attention is paid to both destructive and constructive forms of deviance, including crime, political radicalism, cultural resistance, and scientific innovation. The theoretical framework is based on the concepts of social anomie by É. Durkheim and R. Merton, as well as theories of stigmatization and social norms. The article emphasizes that deviance is not only a threat to societal stability but also a form of social progress that challenges existing norms to promote innovation and transformation. Through historical examples from Russia, Europe, and the United States, the author demonstrates how deviant behavior reflects the crises of an era while simultaneously catalyzing societal change. The study uses an interdisciplinary approach and draws on works by Russian and international scholars, offering a comprehensive perspective on deviance as a sociocultural phenomenon.

Keywords: deviant behavior, deviance, scientific approach, historical events, phenomenon of deviance

For citation: Pedich G.G., Isakovich E.I. The phenomenon of deviant manifestation in the late 19th – 20th centuries. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (4). P. 201 – 207.

The article was submitted: February 16, 2025; Approved after reviewing: April 14, 2025; Accepted for publication: May 22, 2025

Введение

Феномен девиантного поведения на протяжении истории представляет собой сложный и многогранный социальный процесс, тесно связанный с изменениями в экономической, политической и культурной сферах общества. Девиантность, понимаемая как отклонение от нормативных ожиданий, охватывает широкий спектр проявлений – от преступности и алкоголизма до политического инакомыслия и контркультурных движений. В разные исторические периоды формы и масштабы девиантности существенно изменялись, что было обусловлено трансформацией общественных институтов, изменением системы ценностей и характера социальной стратификации. Конец XIX-XX век стали эпохой интенсивных социальных преобразований, неизбежно повлиявших на структуру и динамику девиантного поведения. Промышленная революция, урбанизация, массовая миграция, мировые войны, революции, развитие тоталитарных режимов и формирование глобального информационного общества – все эти факторы оказывали влияние на восприятие и проявление девиантности. Одновременно с этим изменялись и научные подходы к изучению данного феномена, формируя междисциплинарное исследовательское поле, включающее социологические, психологические, криминологические и философские аспекты. Одним из ключевых теоретических подходов к анализу девиантности является концепция социальной аномии, предложенная Э. Дюркгеймом [10]. Согласно этой теории, разрушение традиционных социальных норм приводит к увеличению числа девиантных проявлений. Впоследствии Р. Мертон [14] развил эту идею, рассматривая девиантное поведение как следствие рассогласования между культурными целями общества и доступными средствами их достижения. Значительный вклад в изучение девиантности внесли также исследования Г. Беккера [1], посвященные стигматизации и роли социальных групп в определении норм и отклонений, а также работы Я. Гилинского [4; 5], анализировавшего феномен девиантности в российском обществе. Настоящее исследование направлено на анализ особенностей девиантного поведения в конце XIX-XX веках, с акцентом на три ключевых периода: конец XIX века, первую и вторую половину XX века. Особое внимание уделяется не только криминальным формам девиан-

ности, но и социальным, политическим и культурным девиациям, обусловленным трансформацией общественного устройства. Исследование опирается на труды российских и зарубежных ученых, а также на конкретные исторические примеры, позволяющие раскрыть динамику и факторы, влияющие на характер девиантного поведения в разные эпохи.

Материалы и методы исследований

Данное исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на междисциплинарном подходе, сочетающем социологические, исторические, культурологические и философские перспективы. В качестве методологической базы использованы методы сравнительно-исторического анализа, позволяющие выявить особенности девиантного поведения в различные исторические периоды – конец XIX, первая и вторая половина XX века. Основу источниковой базы составили труды отечественных и зарубежных ученых, включая классические социологические теории Э. Дюркгейма, Р. Мертона и Г. Беккера, а также работы российских исследователей, таких как Я. И. Гилинский и А. А. Герцензон. Анализ конкретных исторических примеров девиантного поведения (преступность, политические радикальные движения, культурные и научные формы девиации) осуществлялся с привлечением исторических хроник, мемуарной литературы и современных аналитических обзоров, что позволило выявить как деструктивные, так и конструктивные проявления девиантности в контексте социальных трансформаций.

Результаты и обсуждения

В конце XIX века процессы урбанизации и промышленного развития привели к трансформации социальной структуры, что повлекло за собой изменение форм девиантного поведения. В России этот период характеризовался ростом преступности в крупных городах, увеличением числа политических радикалов и появлением новых социальных движений. Во всем мире аналогичные процессы сопровождались усилением анархистских движений, протестами рабочих и распространением криминальной активности в условиях стремительного роста мегаполисов [9]. В российских городах конца XIX века одной из наиболее заметных форм отрицательной девиантности стала организованная преступность. В Санкт-Петербурге и

Москве действовали профессиональные воровские сообщества, специализировавшиеся на квартирных кражах, мошенничестве и уличных ограблениях. Преступные группировки контролировали нелегальные рынки и активно противостояли полиции. Ситуация усугублялась тем, что в условиях слабого правового регулирования преступность часто переплеталась с коррупцией в государственных структурах [2]. В Европе схожие процессы наблюдались в Лондоне и Париже, где в бедных районах процветали преступные сообщества, а уровень насильственных преступлений оставался высоким. В США к этому времени сформировались первые организованные криминальные синдикаты, связанные с незаконной торговлей алкоголем и контрабандой. Особый резонанс в международной прессе вызвал «Джек-потрошитель», совершавший жестокие убийства в лондонском районе Уайтчепел, что стало примером девиантного поведения, вызывавшего широкий общественный резонанс. Помимо криминальных проявлений, важным аспектом девиантности в конце XIX века стали радикальные политические движения. В России этот период ознаменовался активностью народовольцев, организовавших покушения на представителей власти, включая убийство императора Александра II в 1881 году. В Европе аналогичными проявлениями стали анархистские теракты, такие как убийство президента Франции Сади Карно в 1894 году и покушение на австрийскую императрицу Елизавету. Эти события свидетельствовали о нарастающем социальном напряжении и кризисе традиционных форм государственной власти [5]. Однако девиантность этого периода проявлялась не только в деструктивных формах, но и в позитивных изменениях, способствующих развитию общества. Одним из примеров положительной девиантности стало распространение революционных научных идей, которые поначалу воспринимались как вызов традиционной морали. В России работы Дмитрия Менделеева по систематизации химических элементов или исследования Ивана Павлова в области физиологии были примерами научного поиска, выходящего за пределы принятых догм. В Европе аналогичные тенденции проявились в работах Зигмунда Фрейда, который предложил радикально новый взгляд на человеческую психику, вызвавший неоднозначную реакцию общества. Еще одной формой положительной девиантности стала деятельность общественных реформаторов. В России такие деятели, как Лев Толстой, пропагандировали идеи ненасильственного сопротивления, отказа от материальных благ и равенства. Его идеи вдохновили целые движения, такие как толстовцы, члены ко-

торых сознательно нарушали установленные социальные нормы ради реализации гуманистических идеалов. В Европе аналогичную роль сыграли борцы за права женщин, такие, как Эммелин Панкхерст, возглавившая движение суфражисток, которое в начале XX века привело к значительным изменениям в политической системе. Таким образом, конец XIX века стал временем, когда девиантность проявлялась как в разрушительных, так и в конструктивных формах. С одной стороны, рост преступности, терроризм и радикальные политические движения дестабилизировали общество, с другой – научные открытия, реформаторские движения и новые культурные течения способствовали прогрессу. Эти процессы были характерны не только для России, но и для мировой истории, что позволяет говорить о девиантности как о явлении, тесно связанном с социальными трансформациями.

Первая половина XX века стала эпохой глобальных социальных потрясений, способствовавших новым формам девиантности. Великие войны, революции, экономические кризисы и научные открытия привели к радикальным изменениям в социальных нормах, культуре и политике. Одним из ключевых примеров научной девиантности стало развитие концепции социальной аномии Робертом Мертоном, который в 1938 году уточнил идеи Эмиля Дюркгейма о структурных противоречиях, ведущих к девиантному поведению [14]. В СССР и на Западе формировались разные подходы к исследованию девиантности: советская социология рассматривала отклонения через призму классовой борьбы, тогда как западные теории акцентировали внимание на социальных факторах преступности [2, 4]. В этот же период в России изучалась преступность в условиях военного коммунизма, о чем писал А.А. Герцензон [3]. В культуре девиантность проявлялась в искусстве авангарда, направленном на разрушение традиционных эстетических норм. Движения дадаизма и сюрреализма 1920-30-х годов бросали вызов буржуазным ценностям и рациональности. В СССР репрессии против авангардистов, таких как Казимир Малевич, стали примером борьбы власти с культурной девиантностью [6]. Политическая девиантность первой половины XX века проявлялась в форме революционных движений и тоталитарных режимов. В СССР любое отклонение от коммунистической идеологии рассматривалось как преступное, что привело к массовым репрессиям и созданию системы ГУЛАГа [9]. В Германии 1930-х годов нацистская идеология, основанная на расовых теориях и антисемитизме, также представляла собой форму девиантного мировоззрения, радикаль-

но изменившего социальные нормы [10]. Первая половина XX века продемонстрировала, что девиантность не всегда носит разрушительный характер. В науке она приводила к появлению новых теорий, в культуре – к инновационным формам искусства, а в политике – к радикальным изменениям. Однако в условиях тоталитарных режимов любые формы девиации подвергались жесткому контролю, что способствовало формированию авторитарных моделей социальной нормы. Ярким примером позитивной девиантности в первой половине XX века стал подвиг Валерия Чкалова. В 1937 году его экипаж совершил беспосадочный перелет через Северный полюс, нарушив устоявшиеся представления о возможностях авиации. Чкалов и его команда воплотили дух новаторства и героизма, что сделало их символами советской авиации [6]. Во время Великой Отечественной войны феномен героической девиантности проявился в самоотверженности советских солдат. Защитники Сталинграда, например, в экстремальных условиях не только удерживали оборону, но и переломили ход войны. Партизанское движение на оккупированных территориях можно рассматривать как форму социального сопротивления, в рамках которого гражданское население сознательно нарушало предписанные оккупационными властями нормы, ведя борьбу в тылу врага [9]. Одним из символов стойкости советского народа стал блокадный Ленинград. В условиях голода и постоянных бомбардировок жители проявляли невероятное мужество. Работавшая в городе радиостанция не только служила источником информации, но и поддерживала моральный дух населения, став важным фактором психологического сопротивления [9]. Эти примеры демонстрируют, что девиантность в социальной и культурной среде первой половины XX века не всегда носила деструктивный характер. В условиях войны, кризиса и научных открытий она становилась источником прорывов, героических поступков и общечеловеческих трансформаций.

Во второй половине XX века феномен девиантности приобрел новые формы, связанные с научными прорывами, борьбой за права человека и изменением культурных норм. Одним из наиболее значимых событий этого периода стал полет Юрия Гагарина в 1961 году. Выйдя за пределы земной атмосферы, Гагарин стал символом научного и технологического прорыва. Его полет нарушил привычные представления о границах человеческих возможностей, открыв новую эру освоения космоса. Это стало возможным благодаря развитию советской науки и стремлению к преодолению установленных норм. После полета Юрия Га-

гарина дальнейшее развитие космической программы привело к первому выходу человека в открытый космос (1965), посадке на Луну (1969) и созданию орбитальных станций. Эти события нарушали границы привычного и демонстрировали возможности человечества [6]. В США одним из примеров социально-политической девиантности стала деятельность Мартина Лютера Кинга. В 1950–60-х годах он возглавил движение за гражданские права афроамериканцев, пропагандируя ненасильственное сопротивление расовой дискриминации. Его методы противостояли официальной политике сегрегации, что сделало его фигуру ключевой в изменении социальных норм в США. Итогом этого движения стало принятие Закона о гражданских правах в 1964 году [10]. Культурные изменения второй половины XX века также можно рассматривать как форму девиантности. Движение контркультуры 1960-х годов, включающее протесты против войны во Вьетнаме, развитие феминизма и сексуальной революции, бросало вызов традиционным ценностям западного общества. В СССР, несмотря на официальный контроль, возникали неформальные движения – от подпольных рок-групп до диссидентского самиздата, ставших символами культурного сопротивления [21]. В научной сфере происходили революционные изменения. Развитие теории хаоса, кибернетики и генетики привело к пересмотру многих фундаментальных представлений. Например, работы Джеймса Уотсона и Фрэнсиса Крика по расшифровке структуры ДНК в 1953 году стали научной девиацией в позитивном смысле, радикально изменив подход к биологии и медицине [12].

Вторая половина XX века показала, что девиантность может становиться двигателем прогресса, способствуя социальным, культурным и научным трансформациям. В СССР 1970–80-х годов формировалась диссидентская культура. Литература, философия и музыка становились инструментами сопротивления. В музыке советский рок представлял собой форму девиантного поведения в культурном пространстве [21]. В 1980-х годах значительную роль сыграло развитие информационных технологий. Создание персонального компьютера, появление интернета в конце 1980-х – начале 1990-х годов можно рассматривать как технологическую девиацию, ломавшую традиционные коммуникационные барьеры [12]. Конец XX века был также временем социальных революций. Распад СССР, падение Берлинской стены (1989) и демократические изменения в Восточной Европе стали примерами социальных девиаций, разрушивших устоявшиеся государственные системы и давших начало новым формам общественного

устройства [16]. Таким образом, вторая половина XX века показала, что девиантные проявления могут служить катализатором перемен, способствуя научному, культурному и социальному прогрессу.

Выводы

Феномен девиантности в конце XIX – XX веках проявлялся в различных сферах общества, включая как разрушительные, так и конструктивные формы отклоняющегося поведения. В конце XIX – начале XX века девиантность часто ассоциировалась с преступностью, революционными движениями и изменениями в социальной структуре общества. В этот период оформились теоретические основы изучения девиантности, заложились подходы к ее анализу в социологии, психологии и криминологии [2, 4, 10]. Первая половина XX века ознаменовалась масштабными социальными потрясениями: мировыми войнами, тоталитарными режимами, а также героическими примерами девиантного поведения, связанными с борьбой за

выживание и сопротивление агрессии. Подвиги советских солдат, деятельность партизан, защита Сталинграда и мужество блокадников стали примерами позитивной девиации, проявлявшейся в условиях экстремальных исторических событий [6]. Во второй половине XX века социальные формы девиантности начали принимать новые выражения, связанные с научными открытиями, политическими движениями и культурными трансформациями. Космическая программа, диссидентское движение в СССР, борьба за гражданские права в США, падение Берлинской стены и технологическая революция стали примерами позитивной девиации, способствовавшей прогрессу [12; 16; 21]. Таким образом, девиантность в этот период выступала не только как социальная проблема, но и как фактор развития общества, изменяющий нормы, расширяющий границы возможного и формирующий новые социальные и культурные тенденции.

Список источников

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 273 с.
2. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1916. 203 с.
3. Герцензон А.А. Московская преступность в период военного коммунизма // Преступники и преступность. Сб. II. М., 1927. С. 365 – 387.
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.
5. Гилинский Я. Социальный контроль над девиантностью в современной России: Теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью в современной России СПб., 1998. 634 с.
6. Гончарова О.В. Повседневная жизнь провинциального российского города на рубеже XIX-XX вв.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. историч. наук. Астрахань, 2007. 203 с.
7. Гофман Э. «Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью». Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 52 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. 447 с.
9. Гилинский Я., Афанасьев В., Бараева Н. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000. 384 с.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологическое исследование. Москва: Мысль, 1994. 339 с.
11. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 288 с.
12. Каннер М.С. Социальные девиации: социологический анализ. Москва: Академический проект, 2006. 462 с.
13. Мастюгина Т.М. Русский город, гражданское общество и рынок (исторические предпосылки современных урбанизационных процессов). Москва, 1992. 376 с.
14. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Американская социологическая мысль: тексты. Москва: Издательство Московского университета, 1994. С. 207 – 239.
15. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград, 1990. 276 с.
16. Миронов Б. Н. «Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Санкт-Петербург, 2000. Т. 2. 587 с.
17. Пулькин М.В. Девиантное поведение в XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. № 2. С. 84 – 90. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2008_n2/Pulkin (дата обращения: 05.01.2025)

18. Рахматуллин Э.С., Хабриев Р.Ф. Девиантное поведение как социальная проблема. Казань, 2004. 184 с.
19. Романова О.Е. Деятельность городского самоуправления Нижнего Поволжья в решении хозяйственных и социальных вопросов в 1870-1914 гг.: дис. .... канд. ист. наук. Астрахань, 2003. 223 с.
20. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство пореформенной России. Москва, 1958. 559 с.
21. Рывкин А.И. Андерграунд в СССР: от революции до перестройки. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 150 с.
22. Ясперс К. Духовная ситуация времени. Москва: Республика, 1991. 288 с.

References

1. Becker G. Outsiders: Research in the Sociology of Deviance. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 273 p.
2. Gernet M.N. Social Factors of Crime. Moscow, 1916. 203 p.
3. Gertsenzon A.A. Moscow Crime during War Communism. Criminals and Crime. C6. II. Moscow, 1927. P. 365 – 387.
4. Gilinsky Ya.I. Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicides, and Other Deviations. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 520 p.
5. Gilinsky Ya. Social control over deviance in modern Russia: Theory, history, prospects. Social control over deviance in modern Russia St. Petersburg, 1998. 634 p.
6. Goncharova O.V. Everyday life of a provincial Russian city at the turn of the XIX-XX centuries: based on the materials of the Lower Volga region: dis. ... candidate of historical sciences. Astrakhan, 2007. 203 p.
7. Goffman E. "Stigma: notes on the management of damaged identity". Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2003. 52 p.
8. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, 1994. 447 p.
9. Gilinsky Ya., Afanasyev V., Baraeva N. Deviance and social control in Russia (19th-20th centuries): trends and sociological understanding. St. Petersburg, 2000. 384 p.
10. Durkheim E. Suicide: a sociological study. Moscow: Mysl, 1994. 339 p.
11. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of deviant behavior: a textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Academy, 2003. 288 p.
12. Kanner M.S. Social deviations: a sociological analysis. Moscow: Akademicheskyy proekt, 2006. 462 p.
13. Mastuygina T.M. Russian city, civil society and market (historical prerequisites for modern urbanization processes). Moscow, 1992. 376 p.
14. Merton R.K. Social structure and anomie. American sociological thought: texts. Moscow: Moscow University Publishing House, 1994. Pp. 207 – 239.
15. Mironov B.N. Russian city in the 1740-1860s: demographic, social and economic development. Leningrad, 1990. 276 p.
16. Mironov B.N. "Social history of Russia during the empire period (XVIII – early twentieth century): genesis of personality, democratic family, civil society and rule of law: in 2 volumes. St. Petersburg, 2000. Vol. 2. 587 p.
17. Pulkin M.V. Deviant behavior in the XVIII – early twentieth centuries. [Electronic resource]. Cultural and historical psychology. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 84 – 90. URL: https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2008_n2/Pulkin (date of access: 05.01.2025)
18. Rakhmatullin E.S., Khabriev R.F. Deviant behavior as a social problem. Kazan, 2004. 184 p.
19. Romanova O.E. Activities of urban self-government of the Lower Volga region in solving economic and social issues in 1870-1914: dis. .... candidate of historical sciences. Astrakhan, 2003. 223 p.
20. Ryndzyunsky P.G. Urban citizenship of post-reform Russia. Moscow, 1958. 559 p.
21. Ryvkin A.I. Underground in the USSR: from revolution to perestroika. Moscow: New literary review, 2010. 150 p.
22. Jaspers K. Spiritual situation of the time. Moscow: Republic, 1991. 288 p.

Информация об авторах

Педич Г.Г., аспирант, Московский инновационный университет, fenix66@rambler.ru

Исакович Е.И., кандидат социологических наук, доцент, Московский инновационный университет, elena.isakovich@mail.ru

© Педич Г.Г., Исакович Е.И., 2025